

В.А. ИЛЬИНЫХ

ЧАЯНОВСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В СИБИРИ

(Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г.)

Основным тормозом поступательного развития аграрного сектора экономики России в конце XIX – начале XX в. являлось господствующее в центре страны помещичье землевладение. Великая крестьянская революция 1917–1921 гг. не только уничтожила пережитки крепостничества, но и заставила большевиков отказаться от «военного коммунизма» и перейти к новой экономической политике. В ее основе лежало предоставление крестьянам свободы хозяйствования и распоряжения произведенной продукцией. Получившие хозяйственную свободу и землю российские крестьяне уже в 1923 г. не только обеспечили сельхозпродуктами внутренний рынок, но и позволили государству начать их вывоз за границу.

Но уже с 1924 г. темпы роста сельского хозяйства замедлились, а экспорт зерна даже в лучшие годы едва достигал третьей части от его дореволюционных размеров. Основная причина этого заключалась в низкой товарности мелких крестьянских хозяйств. Замедление темпов развития аграрной экономики в середине 1920-х гг. наглядно продемонстрировало, что нэп не обеспечивает решения задач модернизации страны. Перед властью и обществом вновь встала проблема выбора пути дальнейшего развития сельского хозяйства. В рамках начавшейся по этому поводу на страницах научных изданий дискуссии было предложено три основных варианта решения аграрного вопроса.

С точки зрения экономистов либерального направления Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Литошенко и др. необходимо было снять ограничители пределов роста крестьянских хозяйств и сделать ставку на развитие наиболее состоятельных из них. Именно в крупных, по существу фермерских, хозяйствах, широко применяющих наемный труд, достигаются более высокие производительность, товарность и степень накопления капитала. В них интенсивно формируются финансовые ресурсы, которые используются их владельцами для интенсификации производства. Более того, из крупных хозяйств можно в известных пределах черпать ресурсы как для материальной помощи беднейшим слоям населения деревни, так и для развития промышленности. Что же касается бедноты, то она создает надежную базу для по-

полнения рядов сельскохозяйственных и промышленных рабочих, что также необходимо для развития народного хозяйства.

Аграрники-марксисты (Я.А. Анисимов, С.Г. Ужанский, И.Н. Назимов и др.) также считали, что крупные хозяйства являются более эффективными и товарными, чем мелкие. Однако применение наемного труда как условия увеличения масштабов сельхозпроизводства было для них абсолютно неприемлемым. В связи с этим они предлагали путь производственной коллективизации деревни. Коллективизация, т.е. ликвидация индивидуальных крестьянских хозяйств и их объединение в производственные кооперативы, по мнению марксистских теоретиков, позволяла широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения (трактора с соответствующим шлейфом орудий, комбайны и другие уборочные машины, доильные аппараты, кормораздатчики, инкубаторы и т.п.), превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность. Не менее, а может более важным фактором роста производительности труда в коллективных хозяйствах должно стать его освобождение от эксплуатации.

Принципиально отличный от двух вышеупомянутых, путь развития сельского хозяйства предлагался в концептуальной модели, разработанной представителями т.н. организационно-производственного направления российской аграрной науки («неонародники») А.В. Чаяновым, А.Н. Челинцевым и др., которые считали, что наиболее устойчивой, общественно значимой и социально справедливой формой организации сельхозпроизводства являются не крупные фермерские, а семейно-трудовые (не использующие, как правило, найм рабочей силы) крестьянские хозяйства. По мере вовлечения в товарное производство подобные хозяйства объединяют (кооперируют) свои усилия по осуществлению тех операций аграрно-производственного цикла, выполнение которых в рамках каждого из них неэффективно. Это сбыт, снабжение, переработка, мелиорация, семеноводство и т.п. На этой базе создаются соответствующие специализированные (по терминологии А.В. Чаянова, «вертикальные») кооперативы. Кооперированию не подлежат лишь непосредственное выращивание сельскохозяйственных культур и животных. Данные отрасли должны всецело остаться в рамках индивидуального крестьянского хозяйства, поскольку их кооперирование (т.е. создание полных производственных или «горизонтальных» кооперативов) нецелесообразно и неэффективно. Более то-

го, производственная коллективизация, которая ликвидирует семейно-трудовые хозяйства, ведет к своеобразному раскрестьяниванию деревни, несущему негативные социальные последствия и для сельского хозяйства, и для страны в целом. Идеальную же форму будущего аграрного устройства России представители организационно-производственной школы видели в сочетании семейно-трудовых хозяйств с их всесторонним и комплексным кооперированием по вертикальному принципу (теория «кооперативной коллективизации»).

Говоря о будущем сельского хозяйства страны, А.В. Чаянов писал: «Это лучшее будущее рисуется нам как полное переустройство нашего земледелия. Уже наметившиеся в наши дни кооперативные начинания, несомненно, будут развиваться дальше и дальше, захватывая и организуя в высших формах общественного кооперативного производства новые и новые отрасли сельского хозяйства. Постепенно эти кооперативные начинания из вспомогательных предприятий настолько мощно разовьются, что превратятся в главную форму сельскохозяйственного производства, введя начало крупного производства и механизации всюду, где они могут выявить свои преимущества. Тогда перед нами вырастает новая, невиданная доселе форма земледелия, построенная на принципе обобществления, совершенно техники и научной организации производства»¹.

Наиболее отработанным в общественной практике мировой цивилизации был первый путь решения аграрного вопроса. Развитые страны Запада, аграрный строй которых базировался на высокоразвитом капиталистическом фермерском хозяйстве, доказали его эффективность. Однако этот путь был чреват повышением социального напряжения в деревне и являлся абсолютно неприемлемым для большевистского руководства страной по идеологическим соображениям. Второй вариант, на первый взгляд, был достаточно прагматичным, но его теоретиками не были отработаны проблемы выбора оптимальных методов коллективизации и стимулов труда. Кроме того, индустриализация сельского хозяйства «сверху» требовала значительных капиталовложений со стороны государства. Модель, предлагаемая сторонниками «третьего» пути, в полной мере учитывала общинные традиции русского крестьянства, которые использовались не для консервации аграрных отношений, а для их прогрессивного преобразования, а также основывалась на ресурсо- и энергосберегающих технологиях и позволяла сохранить в деревне социальную ста-

бильность и социокультурную преемственность. В то же время ее реализация также была достаточно капиталоемкой.

Проблема выбора путей развития сельского хозяйства в период нэпа активно решалась не только на общероссийском, но и на региональном уровне. В Сибири ею профессионально занимались руководители и специалисты земельных органов. Тем более, что задача перспективного планирования аграрного производства была поставлена перед ними вышестоящей инстанцией – Народным комиссариатом земледелия (НКЗ) РСФСР – еще в августе 1923 г.² Итогом интенсивной плановой работы в регионе в середине 1920-х гг.³ стал Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края (далее Перспективный план), который был опубликован в 1926 г.⁴ Общее руководство его разработкой осуществлял Уполномоченный НКЗ по Сибири, заведующий Сибземуправлением П.А. Месяцев⁵. Непосредственная же подготовка плана была возложена на комиссию в составе заместителя заведующего Сибзема И.И. Скороспешкина и его ведущих специалистов И.М. Жуйкова, С.С. Марковского, В.Е. Максимова, И.И. Осипова и И.С. Шилдаева.

Несмотря на то, что разработка Перспективного плана началась в соответствии с циркуляром НКЗ РСФСР, его появление нельзя свести к простому исполнению директивных указаний. Они попали на благодатную почву, поскольку необходимость выбора дальнейших путей развития сельского хозяйства Сибири вполне осознавалась как научной общественностью, так и руководителями управленческих структур края. Кроме того, сам план стал своеобразным способом отстаивания специфических интересов региона перед Центром, которому предметно показывалось, какое место в народном хозяйстве страны может и должен занять аграрный сектор экономики Сибири и какие финансовые, материально-технические и иные ресурсы для этого потребуются.

Интересы Сибири, по мнению авторов Перспективного плана, требовали первоочередного развития сельского хозяйства как наиболее эффективной отрасли экономики края: «Сибирь является исключительным сельскохозяйственным районом, где приложение капитала в сельское хозяйство дает наивысший экономический эффект»⁶. Основываясь на данной теоретической посылке, один из главных идеологов плана главный агроном края И.И. Осипов заявлял: «Расцвет Сибири немислим без восстановления и усиления сельского хозяйства, а потому при по-

строении мер экономической политики следует исходить прежде всего из учета его нужд и потребностей»⁷. При этом в тексте плана указывалось, что наращивание аграрного производства в регионе отвечает не только интересам Сибири, но и страны в целом, поскольку достигнутое вследствие этого повышение покупательной способности сельского населения края значительно расширит рынок сбыта для продукции промышленности европейской части страны и тем самым создаст надежную базу для ее поступательного развития.

Одной из основных задач Перспективного плана было определение оптимальной отраслевой структуры сельского хозяйства региона. Выбор специализации ставился в зависимость от уровня товарности и доходности того или иного вида аграрной продукции. А этот уровень во многом зависел от наличия емких рынков сбыта. Поскольку внутрирегиональный спрос на сельхозпродукцию был невелик и вряд ли, с точки зрения составителей плана, мог значительно вырасти в будущем, то сельское хозяйство края должно было сосредоточиться на производстве продуктов, предназначенных для вывоза за его пределы. Более того, идеологи Перспективного плана указывали на недостаточную емкость для потенциальных возможностей аграрного производства Сибири рынков других регионов страны. В связи с этим П.А. Месяцев делал вывод о том, что будущее развитие товарных отраслей сельского хозяйства зависит от экспорта на заграничные рынки⁸.

Основной статьей аграрного экспорта дореволюционной Сибири являлось животное масло, которое в начале XX в. давало стране валюты больше, чем вся сибирская золотопромышленность. Более высокая по сравнению с другими сельхозпродуктами доходность производства масла определяла молочно-масляную специализацию сельского хозяйства региона в тот период. Первая мировая война привела к прекращению его экспорта и аграрное производство региона переориентировалось на выращивание зерновых, спрос на которые внутри страны значительно вырос. К середине 1920-х гг. довоенный уровень развития промышленного маслоделия так и не был восстановлен, а вывоз масла в сопоставимых границах в 1926/27 г. составил 55% от уровня 1913 г.⁹ Сельское хозяйство Сибири продолжало сохранять преимущественно зерновую специализацию. В то же время потенциальные возможности реализации сибирского масла на заграничных рынках позволяли многократно увеличить его производство. В связи с этим в Перспективном плане

ставилась задача за счет приоритетного развития маслоделия вновь перейти от зерновой к молочно-масляной специализации аграрного сектора экономики края. Именно производство животного масла авторы плана считали «золотым дном Сибири»¹⁰.

Тем не менее, это не означало отказа от широкомасштабного производства других видов продукции. Второй по значимости отраслью сельского хозяйства региона должно было стать уступившее первенство маслоделию производство зерновых. За счет сибирской пшеницы предполагалось снабжать потребляющие районы европейской части СССР (в первую очередь северо-западные) и Дальний Восток. А твердая пшеница, которая по своим качествам превосходила лучшие североамериканские сорта, могла занять солидную нишу на зарубежном европейском рынке. Неконкурентоспособные даже на всесоюзном рынке т.н. серые хлеба (рожь, овес, ячмень) предназначались для внутрирегионального потребления. Они, наряду с отходами от переработки молока, создавали надежную кормовую базу для свиноводства, продукцию которого в виде бекона можно было вывозить как в европейскую и дальневосточную части СССР, так и за границу. Поскольку мясные породы крупного рогатого скота должны были заменяться молочными, то сравнительно небольшие излишки говядины предполагалось потреблять внутри региона и частично вывозить на Урал и в северные районы страны.

Перспективно отраслью аграрного производства в Сибири называлось льноводство. Значительный неудовлетворенный спрос на льноволокно на зарубежных рынках позволял многократно увеличить туда вывоз российского льна. При этом традиционные льноводческие районы СССР уже были близки к исчерпанию запасов пахотных земель, приспособленных к выращиванию данной культуры, в то время как в Сибири имелась возможность увеличить посевы льна не менее, чем в 8 раз.

Таким образом, сельское хозяйство региона в перспективе должно было специализироваться на производстве животного масла, пшеницы, льна и свинины, большую часть которых планировалось вывозить за рубеж, а Сибирь в итоге стать «крупным экспортным сельскохозяйственным районом (напоминающим собой Канаду»¹¹. Однако существенного прироста производства экспортных видов аграрной продукции невозможно было добиться без разрешения ряда очень серьезных про-

блем, которые стояли перед сельским хозяйством края. Одной из них являлось сокращение кормовой базы молочного животноводства, к которому привела массовая распашка пастбищных угодий. Естественно, что без разрешения кормового вопроса нельзя было добиться увеличения производства масла.

Кроме того, вызвавшее возникновение кормовой проблемы существенное увеличение посевных площадей приводило к возникновению кризисных явлений в растениеводстве. Традиционно плодородие почв в Сибири восстанавливалось за счет периодического оставления пашни под многолетнюю залежь. Однако по мере исчерпания свободных запасов земель в сельхозоборот стала вовлекаться еще не восстановившая своего плодородия залежь. В результате господствующая в регионе залежная система земледелия постепенно эволюционировала к безнадежно устаревшему к тому времени трехполью. А трехпольные севообороты не создавали надежной базы для получения стабильно высоких урожаев зерновых и технических культур и совсем не годилась для выращивания твердых сортов пшеницы.

Преодолеть «органический кризис» сибирского растениеводства, по мнению авторов Перспективного плана, можно только на путях повсеместного перехода к разработанной известным российским почвоведом академиком В.Р. Вильямсом травопольной системе земледелия, в которой повышение плодородия почв достигается за счет крупномасштабного (до 50% пашни) внедрения в севообороты посевов однолетних и многолетних трав. Травопольные севообороты также предполагали наличие паров (в связи с этим данная система земледелия иногда определяется как паротравопольная) и чередование культур¹².

Переход к травополью резко увеличивал кормовую базу молочного животноводства и тем самым создавал надежную основу для увеличения производства животного масла. Кроме того, искусственная травяная залежь создавала благоприятные условия для выращивания твердой пшеницы и льна. Внедрение новой системы не должно было привести к падению объемов производства продуктов растениеводства, поскольку постепенное сокращение за счет посевов трав площадей старопашотных земель планировалось компенсировать вовлечением в севообороты залежи. Исходя из этого, составители Перспективного плана рассматривали травополье как гармоничную систему, в которой интересы земледелия и животноводства сов-

падают, а «расширение и улучшение одной ведет к расширению и улучшению другой»¹³.

Выявленный идеологами Перспективного плана «органический кризис» сибирского земледелия определил и их позицию по вопросу перспектив аграрного переселения в Сибирь. По их мнению, колониционный фонд обжитых районов края был фактически исчерпан. Не могло исправить положение и внедрение травополья. Целинные земли должны были использоваться как пастбищные угодья. Залежи вовлекались в севообороты. Оставшиеся свободными земли предназначались для вселения местных крестьян, число хозяйств которых увеличивалось по мере естественного прироста сельского населения. Переселенческое движение в связи с этим ориентировалось на еще необжитые таежные районы¹⁴. Объединившиеся в трудовые артели по расчистке земли, переселенцы должны были значительно расширить там сельскохозяйственные угодья. Однако основным их занятием мыслилось не животноводство и растениеводство, а промысловое лесное хозяйство, которое обеспечивало «прочное завоевание тайги»¹⁵.

Разрешение проблем выбора оптимальной специализации сельского хозяйства Сибири и его базовой агротехнологии в Перспективном плане тесно увязывалось с моделированием организационно-производственной структуры будущего аграрного производства. Авторы плана осторожно, чтобы не получить обвинение в антимарксизме, но достаточно твердо отвергали необходимость массовой коллективизации деревни. «Придавая чрезвычайно важное значение коллективным формам сельскохозяйственного производства и учитывая растущую при этих формах производительность труда и возможность более рациональной организации хозяйства, все же Сибирское краевое земельное управление базируется в основе на существующих и господствующих ныне формах массового крестьянского хозяйства, так как трудно пока предугадать темп и время перехода массового крестьянского хозяйства к этим совершенным формам»¹⁶. Более того, П.А. Месяцев на апрельском (1925 г.) земельном совещании определил колхозы как «очень трудно прививающуюся» форму организации сельхозпроизводства¹⁷.

Таким образом, основным объектом перспективного планирования в деревне становились индивидуальные крестьянские хозяйства, а основной задачей земельных органов края объявлялась оптимизация их внутренней организационной струк-

туры. В связи с этим в Перспективном плане было разработано пять (по числу выделяемых природно-географических районов края) подробнейших схем организации оптимального крестьянского хозяйства. Размеры и внутренняя структура каждого предлагалась в качестве эталона для соответствующего района. Оптимальные хозяйства всех районов считались трудодостаточными и лишь в Ойротской автономной области (Горном Алтае) предполагалось небольшое использование наемной рабочей силы.

Все схемы крестьянских хозяйств строились на основе травопольных севооборотов. Однако переход к многополью в рамках традиционной многодворной сибирской общины был затруднен. Помехами для этого являлись возможность передела крестьянских наделов, их чересполосица и отдаленность от деревни. Выходом из подобного положения, по мнению авторов Перспективного плана, было расселение общины на мелкие поселки (выселки), оптимальные размеры которых составляли от 10 до 30 дворов в зависимости от местных природно-географических условий. В рамках поселков крестьяне должны были получить постоянные и не подлежащие переделу земельные участки – отруба. В их совместном владении оставались выгон и источники водоснабжения. Кроме того, они объединялись в поселковые товарищества, которым принадлежали животные-производители и сельскохозяйственные машины – многолемешные плуги, сеялки, сенокосилки, конные грабли, жатки, молотилки, веялки и т.п. Более сложная сельхозтехника сосредоточивалась на кооперативных прокатных пунктах. Менее же сложный сельхозинвентарь (плуги, бороны, телеги, сани и т.п.) оставался в индивидуальных хозяйствах.

Существенное место в Перспективном плане было отведено кооперации, которая должна была сыграть решающую роль в организационно-технологической перестройке аграрного производства. Сельская кооперация, во-первых, облегчает вовлечение индивидуальных крестьянских хозяйств в плановую работу, а, во-вторых, «становится революционизирующим фактором быта и психологии крестьянства». Основным направлением развития кооперации должна стать ее специализация. Так, если во время составления Перспективного плана сельскохозяйственная кооперация (кредитная) одновременно выполняла ссудные, товаропосреднические, сбытовые, агрикультурные и производственные функции, то в будущем каждая из этих операций должна была быть передана отдельным видам кооперации. В итоге

сибирские крестьяне становились, помимо поселковых, членами кредитных, специализированных закупочно-сбытовых, перерабатывающих (маслодельческих и льноводческих), мелиоративных, машино- и товароснабженческих, специализированных семеноводческих и племенных и т.п. кооперативов.

Наряду с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, объединенными друг с другом различными формами кооперации, определенное, но достаточно скромное место в будущей системе аграрного производства региона занимали коллективные и государственные хозяйства. Колхозы, призванные объединить беднейшие и неспособные к самостоятельному хозяйствованию слои деревни, должны были специализироваться на семеноводческой и племенной работе. При этом существующие на момент составления Перспективного плана коммуны планировалось перевести на устав сельхозартели с целью создания материальных стимулов к труду. Функции семеноводства и племенного животноводства возлагались и на совхозы. Помимо этого некоторые из них должны были заниматься коневодством для армейских нужд и мериносовым овцеводством.

Травопольная система земледелия как основа агротехнологической перестройки сельского хозяйства Сибири могла внедряться лишь единовременно и комплексно. Сделать это одномоментно для достаточно большого числа крестьянских хозяйств не представлялось возможным, прежде всего, в силу недостатка сил и средств у земельных органов региона. Тем более, что каждый крестьянин, решивший перейти на новую организацию своего хозяйства, должен был в течение длительного времени получать систематическую и квалифицированную агрономическую и зооветеринарную помощь. Кроме того, в Сибири остро ощущался дефицит семян трав.

В связи с этим с целью концентрации имеющихся сил и средств на комплексную перестройку крестьянских хозяйств специалисты сибирских земельных органов предлагали так называемый гнездовой метод агрообслуживания. При гнездовом методе в пределах агрономического участка (сельского района) выбиралось 1–2, максимум 3 выделенных из общины и компактно расположенных поселка – «гнездо». В его рамках должен был проводиться одновременный согласованный комплекс мероприятий (землеустройство, кредитование, агрономическая и зооветеринарная помощь, снабжение семенами, машинами, кооперирование и др.) по

реорганизации крестьянских хозяйств. На работе в «гнезде» сосредоточивались все наличные силы специалистов сельского хозяйства. Конечной целью работы был подъем всех хозяйств до оптимального уровня¹⁸. После этого нужно было переходить к обслуживанию других гнезд, по мере накопления сил и средств увеличивая их размеры, и в итоге завершить перестройку крестьянских хозяйств в масштабах всего района.

Естественно, что земорганы, сосредоточивая основные свои усилия на «гнездах», не должны были игнорировать абсолютное большинство крестьянских хозяйств, в эти «гнезда» не попавших. Гнездовой метод должен был в известных пределах сочетаться с массовым и индивидуальным. Однако и в рамках данных методов участковым специалистам основное внимание следовало уделять внедрению отдельных элементов или переходных форм «оптимального» хозяйства. Так, агрономы должны были проводить в «культурных» хозяйствах опыты по районированию травопольных севооборотов, а также внедрять в массовое крестьянское хозяйство культуру сеяных трав. Землемерам, помимо расселения общины на выселки, следовало заниматься межселенным и внутриобщинным землеустройством (нарезка широких полос, внедрение общинных севооборотов).

Большинство руководителей и специалистов сибирских земельных органов были противниками так называемого классового направления в аграрной политике, понимаемого значительной частью партийной номенклатуры как необходимость первоочередной помощи бедноте и отказе от таковой кулачеству. П.А. Месяцев считал, что классовое направление аграрной политики заключается в подъеме производительных сил сельского хозяйства и росте его товарности. А наиболее товарными и мобильно развивающимися хозяйствами являются зажиточные, которые к тому же имеют возможность проводить у себя более сложные и более дорогие агрикультурные мероприятия и улучшения. Поэтому «крепкое крестьянское хозяйство должно пользоваться нашей поддержкой всемерно, и всякая его травля должна быть прекращена, ибо вызовет сокращение сельскохозяйственного производства»¹⁹. При этом зажиточных крестьян он кулаками не считал. На состоявшемся в декабре 1924 г. V Омском губернском земельном совещании, П.А. Месяцев, докладывая об итогах своей поездки по краю, заявил, что он *«почти не нашел кулака, а нашел только исправных хозяев»*²⁰.

Что же касается беднейших слоев деревни, то вложение средств в их хозяйства нецелесообразно, поскольку не дает должного эффекта. Бедноте, по мнению заведующего Сибкрайземуправлением, свойственны иждивенчество, хозпораженчество, психология люмпен-пролетариата и поэтому помощь ей может заключаться лишь в создании выгодных условий продажи рабочей силы.

Массовая перестройка крестьянских хозяйств требовала от государства значительных капиталовложений. Однако их размеры можно было существенно снизить за счет установления выгодного для сельских товаропроизводителей соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Это создавало возможность крестьянам самим заработать значительную часть средств, необходимых для реорганизации хозяйства. Авторы Перспективного плана также призывали снизить тяжесть налогообложения деревни и ввести систему льгот для реорганизуемых хозяйств. Причем средства, «изъятые по необременительному налогу», должны в первую очередь рационально расходоваться «на мероприятия по укреплению и развитию сельского хозяйства»²¹.

«Гнездовая» работа в сочетании с созданием общеэкономических условий, благоприятствующих развитию аграрного производства, должны были привести к реорганизации всех крестьянских хозяйств и достижению абсолютного большинства из них размеров, близких к оптимальным. На это в Перспективном плане отводилось около 25 лет. Организационно-хозяйственные схемы оптимальных хозяйств использовались авторами плана для расчета количественных параметров сельскохозяйственного производства Сибири к началу 1950-х гг.

Достигнутый в ходе реализации Перспективного плана значительный рост производства аграрной продукции мог существенно обострить еще одну проблему, стоящую перед сельским хозяйством Сибири – транспортную. Она заключалась в слабом развитии в регионе инфраструктуры путей сообщения, низкой пропускной способностью связывающей регион с европейской частью страны Транссибирской магистрали. Вследствие этого повышалась себестоимость и соответственно снижалась конкурентоспособность вывозимых из Сибири продуктов. Частично данная проблема могла решиться за счет организации вывоза из региона более качественной, а, следовательно, и более конкурентоспособной продукции. Кроме того, долю транспортных издержек в себестоимости значительно снижала переориентация на

вывоз не сырья, а менее объемных переработанных сельхозпродуктов. Так, гораздо более выгодно было перевозить не лен-сырец, а льноволокно; не мороженную свинину, а бекон; не зерно, а муку; и т.п. Именно низкая доля транспортных расходов в себестоимости масла определяла высокую доходность его экспорта. Исходя из этого, в Перспективном плане предлагалась широкая программа индустриализации аграрного сектора экономики Сибирского края путем строительства предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, необходимых для подработки и глубокой переработки как экспортных, так и предназначенных для внутрорегионального потребления сельхозпродуктов. Кроме того, в регионе должны были строиться крупнотоварные мельпредприятия, беконные, маслобойные, винокуренные, пивоваренные, дрожжевые, рыбоконсервные, кожевенные заводы, фабрики по сортировке щетины, обработке пуха и пера, сортировке и упаковке яиц, бойни, шерстомойки, зерноочистительные пункты и т.п.

Однако радикально решить транспортную проблему, по мнению авторов плана, можно было только т.н. сверхмагистрализацией железных дорог, ведущих из Сибири к портам Балтийского и Черного морей, под которой понималось удешевление себестоимости перевозок за счет соответствующей их организации (повышение грузоподъемности составов, организация их непрерывного движения, реконструкция рельсового пути и т.п.). Важным дополнением региональной железнодорожной сети должны были стать новые ветки, проведенные перпендикулярно к «сверхмагистрали». С их помощью планировалось обеспечить бесперебойный поток грузов из наиболее товарных сельскохозяйственных районов к Транссибирской «сверхмагистрали». Аналогичные функции возлагались на водные пути сообщения, которые также проходили перпендикулярно Транссибу. В результате лишь незначительная часть территорий основных сельскохозяйственных районов могла отстоять от железных дорог и водных путей сообщения более, чем на 100 км. Регулярные шоссейные дороги должны были проходить перпендикулярно или почти перпендикулярно к железнодорожным станциям и оборудованным речным пристаням.

Межсезонная бесперебойность движения грузопотока по «сверхмагистрали» обеспечивалась путем развития пристанционной инфраструктуры (строительство элеваторов, складских помещений различной вместимости и т.п.). Важную роль в обеспечении вывоза из региона скоропортящихся грузов была призвана сыграть

т.н. холодизация Сибири: строительство крупных холодильников, маслоохладителей при станциях и пристанях, обеспечение путей сообщения вагонами и пароходами-рефрижераторами, «холодным» гужевым транспортом.

Рассматривая вопрос о «сверхмагистрализации» Транссиба как «острый и не терпящий отлагательства», авторы Перспективного плана считали, что до осуществления данного проекта государство должно понизить железнодорожные тарифы на вывоз экспортных сельскохозяйственных грузов из Сибири²².

Таким образом, в Перспективном плане предлагалась программа превращения Сибири в район интенсивного сельского хозяйства, имеющего преимущественно экспортный характер. При этом аграрная сфера мыслилась основой экономики региона. На удовлетворение ее нужд должно было ориентироваться новое промышленное и транспортное строительство. Основной статьей сибирского сельскохозяйственного экспорта вновь, как и до революции, должно было стать животное масло, а аграрное производство в связи с этим приобрести преимущественно молочно-масляное направление. Агротехнологической основой переориентации сельского хозяйства на молочно-масляную специализацию называлась травопольная система земледелия. Помимо радикального решения кормового вопроса для животноводства травополье позволяло наладить широкомасштабное и стабильное производство твердых сортов пшеницы и льна, которым также придавалось важное экспортное значение.

В качестве социальной базы реконструкции сельского хозяйства и соответственно основного объекта данной реконструкции в Перспективном плане рассматривались семейно-трудовые крестьянские хозяйства, производственный потенциал которых многократно увеличивался за счет их объединения в специализированные виды сельскохозяйственной кооперации. Тем самым в анализируемом документе предлагался «третий путь» решения агро-крестьянского вопроса, отличный как от традиционного капиталистически-фермерского, так и от вскоре предстоящего сталински-колхозного. При этом его авторы опирались на концептуальную модель реформирования сельского хозяйства, разработанную ведущими представителями организационно-производственной школы российской аграрной науки. В то же время они были вполне самостоятельными при выборе наиболее оп-

тимальной специализации сельского хозяйства региона и его агротехнологической основы.

Однако их выбор разделялся далеко не всеми. Сомнения в целесообразности широкого внедрения в Сибири травополья высказывались на ряде крупных совещаний руководящих работников сельского хозяйства края²³. Критика точки зрения авторов Перспективного плана была дана также представителем НКЗ РСФСР агрономом А. Котовым и ведущим специалистом НКЗ А.В. Челинцевым²⁴. Оппоненты «травяного шаблона» считали, что в различных районах Сибири возможно применение других систем земледелия. Для черноземной зоны ими предлагалась рационализация существующей системы путем введения в севооборот культурных паров и пропашных культур при сохранении определенного процента залежи, т.е. постепенная эволюция залежной системы в паро-залежную. Дискуссионным в 1920-е гг. был и вопрос о месте зернового хозяйства в структуре аграрного производства региона.

Н.Д. Кондратьев резко критиковал методику составления Перспективного плана, считая, что в нем отсутствуют доказательства того, что в конечном итоге будут достигнуты запроектированные объемы производства сельхозпродукции, запланированный уровень доходности. При этом не берутся в расчет возможные форс-мажорные обстоятельства. Будущая модель аграрного производства рассчитывается на основе условных цен и норм, условной, но не мотивированной урожайности и продуктивности и т.п.²⁵ В целом он воспринимал сибирский план как образец типичного для периода 1920-х гг. (впрочем, как и для всего советского периода) телеологического планирования (от греч. teleos – цель), пренебрегающего научными методами доказательства возможности достижения поставленной цели. Присутствовали в Перспективном плане и элементы «прожектерства», ярко подмеченные в сатирическом произведении А. Платонова «Город Градов».

В то же время позицию авторов Перспективного плана по вопросам определения места аграрного производства в экономике региона, выбора специализации сельского хозяйства и агротехнологической основы его реорганизации разделяли руководители партийных и советских органов Сибирского края. Так, председатель Сибревкома М.М. Лашевич был полностью солидарен с мнением П.А. Месяцева о необходимости приоритетного развития сельского хозяйства²⁶. Секретарь

Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцов, поддерживая выбор в качестве оптимальной молочно-масляной специализации аграрного производства в регионе, выдвинул лозунг: «Въедем в Тельбесс²⁷ на корове». Бюро Сибкрайкома в постановлении от 30 марта 1926 г. поставило задачу коренной реорганизации сельского хозяйства края на основе травополя²⁸. Не вызывала у большевистских лидеров края идиосинкразии и ставка Перспективного плана на развитие не коллективного, а индивидуального крестьянского хозяйства, которая в 1922 – 1925 гг. в целом соответствовала тактической линии Коммунистической партии в аграрно-крестьянском вопросе.

Однако по мере эволюции этой линии изменялось отношение к идеологии Перспективного плана. На XV съезде ВКП(б), принявшем курс на коллективизацию сельского хозяйства и усиление борьбы с кулачеством, теоретики организационно-производственной школы российской аграрной науки были подвергнуты резкой критике. Инициативу Центра подхватили в Сибири. Авторы и сторонники реализации целей Перспективного плана обвинялись в проведении антипартийной линии и прямом пособничестве кулачеству²⁹. В конце 1920-х последовало их устранение из органов управления сельским хозяйством, а затем и политические репрессии.

¹ Чайнов А.В. Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 76–77.

² Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 103. Л. 17.

³ Подробнее о разработке перспективных планов развития сельского хозяйства в Сибири в середине 1920-х гг. см.: Ильиных В.А. Перспективные планы сибирских земорганов середины 1920-х гг. как источник изучения аграрных и кооперативных концепция периода нэпа // Кооперация Сибири в XX в.: теория, историография, источники. Вып. 2. Новосибирск, 1996.

⁴ Опубликованный план состоял из двух томов. В первом (Сельское хозяйство Сибирского края. Вып.1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. Новосибирск, 1926), наряду с кратким, но емким историческим экскурсом, давалась подробная характеристика современного состояния аграрного производства в регионе. Второй том (Сельское хозяйство Сибирского края. Вып.2: Перспективный план. Новосибирск, 1926) содержал описание будущей модели сельского хозяйства Сибири.

⁵ П.А. Месяцев (1889–1938 гг.) – член большевистской партии с 1906 г. В 1921–1924 гг. – член коллегии Наркомзема РСФСР, был одним из идеологов и разработчиков Земельного кодекса 1922 г. В октябре 1924 г. командирован в Сибирь в качестве уполномоченного НКЗ РСФСР с назначением на должность зав. СибЗУ. С сентября 1924 г. – член Сибревкома (затем Сибкрайисполкома), с ноября – Сибкрайкома РКП(б). В 1926 г. отозван из Сибири. В последующие годы работал в кооперации, сельхозбанке, Госплане СССР.

⁶ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 7.

⁷ Осипов И. Пути развития сельского хозяйства Сибири // Будущее Сибири. Перспективы хозяйственного развития. Новосибирск, 1925. С. 65.

- ⁸ Месяцев П.А. Грядущее сельское хозяйство Сибири и его индустриализация // Жизнь Сибири. 1925. № 10/11. С. 17.
- ⁹ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 256.
- ¹⁰ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С.300.
- ¹¹ Там же. С. 7.
- ¹² Предлагаемый в «Перспективном плане» для западносибирского лесостепного района девятипольный севооборот имел следующую схему: 1 – твердая пшеница по поднятой искусственной залежи, 2 – мягкая пшеница, 3 – удобренный навозом пар в сочетании с посевами корнеплодов и чечевицы, 4 – озимая рожь и мягкая пшеница, 5 – овес и ячмень, 6–9 – многолетние сеяные травы (Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 100).
- ¹³ Там же. Вып. 1. С. 237.
- ¹⁴ Районы северо-восточной Сибири, предназначавшиеся в Перспективном плане для добровольного переселения затем были использованы для водворения спецпереселенцев.
- ¹⁵ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 459.
- ¹⁶ Там же. Вып. 1. С. 6.
- ¹⁷ Месяцев П.А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве // Жизнь Сибири. 1925. № 5. С. 20.
- ¹⁸ Осипов И.И. Групповой (гнездовой) метод агрономической работы // Земельный работник Сибири. 1926. № 7.
- ¹⁹ Месяцев П.А. К вопросу об объектах и методах работы земработников в деревне // Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 9.
- ²⁰ РГАЭ, ф. 478, оп. 3, д. 2972, л. 113 об.
- ²¹ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1. С. 50.
- ²² Там же. С. 13.
- ²³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2972. Л.576; Государственный архив Новосибирской области. Ф.Р-1129. Оп.1. Д.203. Л.50, 53–54; Ф.Р-1072. Оп.1. Д.213. Л.14; и др.
- ²⁴ Котов А. Агрономические перспективы Сибири // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4; Сельскохозяйственные районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и мероприятия сельскохозяйственной политики. Материалы к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг. // Труды Земплана. Вып.13. М., 1927. С.51–52.
- ²⁵ Кондратьев Н.Д. План и предвиденье (к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности) // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 17–18.
- ²⁶ Будущее Сибири... С. 14.
- ²⁷ Речь идет планах строительства крупного металлургического комбината в Кузбассе.
- ²⁸ Изв. Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 4. С. 58.
- ²⁹ По мнению их критиков, «гнездовая работа» вела к образованию кулацких хозяйств. В результате в деревне образовывались «гнезда капитализма», а коллективизация заменялась «кулаktivизацией» (См.: Ананьев А. «Гнезда капитализма» («маленькая» поправка к гнездовому методу работы) // Советская Сибирь. 1928. 16 июня; Куликов А.О паротравополье, гнездовом методе и о подмене коллективизации кулаktivизацией // Земельный работник Сибири. 1928. № 9; Нусинов И. О «культурничестве» и коллективизации // На ленинском пути. 1928. № 5; и др.)